

Небо становилось всё темнее. Ряды высоко подвешенных дворцовых фонарей излучали праздничный и тёплый красный свет, освещая зелёный шатёр перед залом, приготовленный для свадьбы новобрачных. Стража стояла неподалёку. Свадебный пир давно закончился, и во дворце снова воцарились привычные тишина и покой.

К удивлению всех, пока было ещё темно, плотные занавеси зелёного шатра шевельнулись, и из него кто-то вышел. Когда люди подумали, что это новобрачные вышли полюбоваться луной, они заметили, что там стоит лишь одна высокая и хрупкая фигура.

— Иди, ты ведь всегда хотел его увидеть, хотел быть с ним рядом в брэнном мире? — тот же низкий и соблазнительный голос зазвучал в ушах Тань Чжифэна. — Я готов помочь тебе, это лучшая возможность, которую я для тебя нашёл. Он видел тебя, он помнит тебя, никто не забудет твой облик. Его невеста, какой бы красивой она ни была, всего лишь смертная. В её душе нет той трогательной духовной силы, что есть в твоей. Иди...

— Нет, я не хотел менять его жизнь! — услышал Тань Чжифэн свой яростный протест. — Я лишь хотел быть рядом с ним, неважно, видит он меня или нет. У него высокое положение, я не могу дать ему ничего...

— Но ты всё же принял моё предложение, — Бо подошёл ближе и слегка улыбнулся. — Это значит, что твоё сердце не так твердо, как ты говоришь. Скажу тебе... тот, кого ты называешь благородным, всего лишь несчастный ребёнок. Его скоро ждут сплошные неприятности, возможно, у него отнимут всё, что он имеет, возможно, его жизнь станет хуже смерти. Если ты по-прежнему будешь парить в невидимом для него воздухе, как ты сможешь ему лучше помочь?

— Послушай меня... Я прожил так долго, я знаю больше тебя. Позволь ему увидеть тебя, и он тут же признает в тебе родственную душу, ты станешь его лучшим другом, ты дашь ему тепло, и его несчастья станут не такими страшными. Иди... единственное, чего тебе не хватает, — это смелости...

* * *

Нахлынул густой чёрный туман, и зрение Тань Чжифэна затуманилось. Он в отчаянии широко раскрыл глаза, но ничего не видел, лишь слышал шёпот Бо у самого уха. Но когда шуршащий голос Бо становился всё отчётливее, когда Тань Чжифэн по-настоящему почувствовал, что Бо приблизился и схватил его за запястье, он одновременно почувствовал, как спящая в теле Сюй Ганя душа Дракона яростно содрогнулась, словно издав гневный рёв.

Хотя Тань Чжифэн всё ещё не мог разглядеть облик Бо, его разум внезапно прояснился, став чистым, как небо после дождя. Он собрал всю свою силу в медный шип в руке. В тот миг, когда Бо схватил его, Тань Чжифэн, глядя сквозь туман, без колебаний ответил:

— Я... я больше не попадусь на твою уловку! Даже если Инлун будет ненавидеть меня, это то, с чем я должен столкнуться, я ни за что не пойду с тобой...

Не успел он договорить, как медный шип в его руке точно вонзился в грудь Бо. Бо поднял руку, чтобы защититься, и с лязгом шип скользнул по толстому железному наручу Бо, высекая снопы искр. Хотя крови не было, мощная духовная сила заставила всю руку Бо сильно дрогнуть. Тань Чжифэн тут же наклонился и нанёс ещё один удар в его поясницу — на этот раз чёрный туман рассеялся, и Тань Чжифэн увидел, как тело человека в фиолетовом задрожало и он упал со спины слона.

Тань Чжифэн тоже почувствовал головокружение, но у него не было времени прийти в себя. Собрал все силы, он спрыгнул со спины слона и подбежал, чтобы осмотреть тело упавшего без сознания человека в фиолетовом. В поясице у того была кровавая рана, из которой сочилась кровь, но когда Тань Чжифэн откинул вуаль, он увидел совершенно обычное лицо ханьца.

Он поспешно обернулся в поисках жёлтой змеи на земле, но обнаружил, что змея с одной головой исчезла, осталась лишь растоптанная вторая голова, из которой всё ещё сочилась чёрная кровь.

Собиралось всё больше людей. Тань Чжифэн смутно увидел, как И-и и Чжочжо, расталкивая стражу, бегут сюда с двумя детьми. Он направился к мосту и, когда И-и догнал его, сказал:

— Поддержи меня.

И-и с ненавистью посмотрел на него. Но Лин-эр, казалось, узнал его голос:

— Чжифэн.

Тань Чжифэн приложил палец к губам, призывая Лин-эр к тишине, а затем незаметно покинул тело Сюй Ганя. Ноги Сюй Ганя подкосились, и его тут же поддержали И-и и Чжочжо.

Белый свет в утренней заре пронёсся сквозь облака и замерцал вместе с ещё не замёрзшей речной водой. Из-за ивы на берегу, не задетой слонем, вышел, не оправившийся от потрясения, Тань Чжифэн.

— Куда ты ходил? — Лин-эр с недоумением дотронулся до его лица. — Только что ты был...

— Ш-ш... — снова сказал Тань Чжифэн. Лин-эр улыбнулся и, нащупав, снял с шеи Каплю, пытаясь сам надеть её на Тань Чжифэна. Тань Чжифэн взял его маленькую руку:

— Давай я.

Сюй Гань тоже быстро очнулся. Ему казалось, он снова видел долгий сон, и вначале в нём снова появился тот стройный и изящный юноша. Он стоял у подножия лестницы и в ночной тьме шёл к нему. Его лицо было поразительно красивым, но из-за этого его черты невозможно было запомнить. Когда Сюй Гань увидел его в первый раз, его сердце бешено заколотилось. Этот юноша был словно утренняя звезда, словно восходящее солнце, словно простирающиеся по небу на тысячи ли облака зари — такой же яркий и ослепительный, несущий успокаивающее тепло и в то же время полную жизненной силы энергию!

Сюй Гань смотрел на этого незнакомого, но в то же время знакомого юношу. Его красивое лицо становилось всё более размытым, оставались лишь мягкие, улыбающиеся знакомые глаза, сияющие тем чистым и ярким светом, который он никогда не мог забыть!

Всё во сне превратилось в иллюзию. Радостные крики жителей Кайфына за спиной постепенно вернули Сюй Ганя в реальность:

— Чан Юйшань! Это он! Он спас нас.

Люди и пейзажи перед глазами Сюй Ганя постепенно становились чётче. Он глубоко вздохнул, дотронулся до маски на лице, убедился, что она на месте, а затем огляделся и спросил И-и:

— А где Чжифэн?

— Там, — И-и с раздражением указал рукой. Оказалось, что пока все были сосредоточены на Сюй Гане, Тань Чжифэн взял Чанчана и подошёл к слону сзади. Они опустились на колени у ног слона, и Тань Чжифэн, взяв руку Чанчана, приложил её к сухожилию, которое он только что перерезал, и сказал:

— Давай, попробуй.

Чанчан закрыл глаза. Слабое, тёплое коричневатое сияние замерцало и мягко покрыло рану слона. Тань Чжифэн смотрел, как рана постепенно заживает, и слон наконец перестал жалобно реветь. Опираясь на другую заднюю ногу, он с трудом, медленно, снова встал.

Сюй Гань уже собирался подойти к Тань Чжифэну, как вдруг из толпы выбежал высокий, красивый юноша с бронзовой кожей. Он подбежал и крепко схватил Сюй Ганя за руку, взволнованно говоря:

— Старший брат Сюй, это ты, правда?! Я А-Юань...

Сюй Гань повернулся и некоторое время смотрел на него, затем медленно убрал его руку со своей. — Ты ошибся, — тихо сказал он.

— Но... — юноша хотел снова схватить Сюй Ганя, но его окликнули несколько человек из толпы: — А-Юань, что ты делаешь?

Сюй Гань на мгновение замешкался, а затем ускорил шаг и пошёл к Тань Чжифэну. Тань Чжифэн, немного уставший, встал. Недалеко Сюй Гань, не обращая внимания на восторженные крики толпы, шёл ему навстречу, навстречу восходящему солнцу. Подойдя ближе, он некоторое время пристально смотрел на него своими тёмными глазами, не мигая, а затем поднял руку и обнял его за плечи. Они так и стояли, спиной к восторженной, ликующей толпе, плечом к плечу, довольно долго.

Сердце Тань Чжифэна билось как барабан. Он не смел думать о том, видел ли Сюй Гань сон на этот раз, когда был без сознания, не смел предполагать, заметил ли Сюй Гань что-нибудь, но он обнаружил, что его чувства к Сюй Ганю постепенно меняются. Он не знал, как долго ещё сможет поддерживать эту ложь, но, по крайней мере, сейчас он хотел продолжать её поддерживать.

Недалеко Чжань Чжао и ещё несколько раненых с помощью солдат поднялись на ноги. Врач с аптечкой, казалось, давно ждал поблизости и начал методично обрабатывать их раны, промывая и перевязывая.

Чжань Чжао через Императорскую улицу с трудом поднял руку и сложил ладони в знак благодарности Сюй Ганю за помощь. Сюй Гань лишь слегка кивнул в ответ. Тань Чжифэн хотел подойти и проверить рану Чжань Чжао, чтобы понять, нужно ли попросить Чанчана вылечить его, но Сюй Гань, словно угадав его мысли, крепче сжал руку на плече Тань Чжифэна. Тань Чжифэн понял, что Сюй Гань не хочет, чтобы он уходил, и отказался от этой мысли.

В это время кто-то сбоку крикнул:

— Быстрее, наставник Вэньхуэй пришёл! — Тань Чжифэн невольно подумал, где же был этот знаменитый Вэньхуэй, когда они чуть не погибли, и почему он появился только сейчас, когда Бо уже и след простыл?

Тем не менее, Тань Чжифэну было очень любопытно посмотреть, как выглядит этот

«наставник». Он посмотрел в ту сторону, куда указывали люди, и был удивлён. Монах в синей рясе, с посохом в руке, в сопровождении нескольких учеников, был подведён к отрубленной голове жёлтой змеи. Он был не таким старым и дряхлым, как представлял себе Тань Чжифэн, а наоборот, очень молодым. Он не спешил осматривать змею, а поднял голову и с интересом посмотрел в сторону Сюй Ганя и Тань Чжифэна. Только тогда Тань Чжифэн заметил, что монах был очень красив и имел правильные черты лица. Его хитрые глаза-фениксы моргнули, и он, сложив ладони, слегка поклонился им в знак приветствия.

Тань Чжифэн был в недоумении, как вдруг подбежал командир императорской гвардии, посмотрел на Сюй Ганя, затем на Тань Чжифэна и спросил Сюй Ганя:

— Чан... Юйшань?

Сюй Гань стоял молча, не говоря ни да, ни нет. Тот человек, казалось, уже был в этом твёрдо уверен и вежливо сказал:

— Государь услышал, что ты убил демоническую змею шпиона из Западного Ся и укротил белого слона, и был очень доволен. Он приказал тебе заменить погонщика белого слона и возглавить шествие слонов, сопровождая его величество на жертвоприношение за городом. Ты... согласен?

Сюй Гань по-прежнему молчал, а Тань Чжифэн с любопытством спросил:

— Государь? Государь уже всё знает? После такого происшествия шествие слонов всё равно продолжится?

Командир императорской гвардии улыбнулся:

— Государь — истинный Сын Неба, разве он испугается нескольких воришек?! Тех шпионов из Западного Ся мы уже схватили, так что государь, естественно, продолжит путь в Императорский храм предков для жертвоприношения. Иначе как жители Кайфына смогут быть спокойны.

Тань Чжифэн посмотрел на Сюй Ганя. Маска скрывала его лицо, и Тань Чжифэн не видел его выражения, но, зная характер Сюй Ганя, он, скорее всего, откажется. Тань Чжифэн не хотел, чтобы он ослушался приказа и навлёк на себя неприятности, поэтому сказал:

— Иди. Сидеть на белом слоне — это так величественно.

— Хочешь посидеть? Хорошо, брат тебя прокатит, — сказал Сюй Гань и, взяв Тань Чжифэна за руку, пошёл к белому слону. Тань Чжифэн не хотел сидеть на этом лотосовом троне, привлекающем всеобщее внимание, и поспешно замахал руками: — Нет-нет, государь не разрешал мне сидеть, лучше ты один. К тому же, я не умею управлять слонами, ещё, не дай бог, от страха упаду...

Не успел он договорить, как слон издал низкий и нежный звук и опустился на передние колени. Сюй Гань обнял Тань Чжифэна и помог ему взобраться на золотой лотосовый трон, а затем сам сел позади. Он, словно фокусник, достал из-за спины тонкую вуаль, которую носил человек в фиолетовом, и сказал Тань Чжифэну:

— Чего боишься, брат ведь с тобой. Если не хочешь, чтобы тебя видели...

Сюй Гань повернул голову и сказал командиру императорской гвардии:

— Можно одолжить твой шлем?

Тань Чжифэну не очень нравилось отбирать чужие шлемы, но под всеобщими взглядами он чувствовал, что чем плотнее он будет укрыт, тем лучше. Он поблагодарил и, как только надел переданный ему шлем, услышал, как слон под ним затрубил. Слон уверенно поднял передние ноги и встал, неся их двоих.

Тонкие облака на небе рассеялись, как лёгкий дым. С восходом солнца лучи зари озарили тысячи крыш Кайфына. В этот миг и величественные дворцы, и священный храм Жёлтого Императора, и великолепные цветные ворота перед знаменитым рестораном Фаньлоу, и широкая, пустая арена для цзюэди в развлекательном квартале семьи Сан; и неприметная маленькая таверна в конце узкого и извилистого Переулка Пшеничной Соломы, и тесный дворик — всё было залито новым, тёплым светом зимнего солнцестояния.

Заря раскинулась на тысячи чжанов, и весь Кайфын был похож на золотое море, мерцающее рябью. Это неописуемое зрелище потрясло Тань Чжифэна до глубины души. Он прислонился к широкой груди Сюй Ганя, чувствуя лёгкое тепло в воздухе после восхода солнца и горячее, долгое дыхание Сюй Ганя за спиной. Он прошептал:

— Смотри, восходящее солнце светит и на дворец короля, и на бедные улочки, одинаково ярко. И снег перед дверью растает одинаково ранней весной...

Сюй Гань держал в руке медный молот, а другой рукой обнял его крепче. — Хорошо сказано, — тихо произнёс он. — Поехали, мы возвращаемся домой.

Тань Чжифэн слегка повернулся и улыбнулся. Утренний ветер поднял вуаль на его лице, и золотой свет сделал его очертания мягкими и сияющими. Сюй Гань почти перестал дышать.

— Хорошо, — тихо сказал Тань Чжифэн. Он повернул голову, и их фигуры, качаясь на спине слона, навстречу восходящему солнцу, исчезли в воротах Алой Птицы...

<http://bllate.org/book/14942/1323835>